

"СТЁБ" Отрывок из румана

Действие румана охватывает наши дни, происходит в реальном времени: в заснеженной Сибири, труднодоступном Китае, Москве, Иерусалиме, а также на Мертвом море и поблизости от животворящих вод священного Тивериадского озера.

Краткое содержание 238-и предыдущих глав.

Однажды, дойдя до ручки, на кладбище повстречались Сын Бога, старая московская проститутка и знаменитый крупье казино. Их встрече предшествовали невероятные житейские испытания, чуть было их – каждого, разумеется, по-своему! – не приведшие к гибели. До знаменательной встречи в могиле они и не подозревали о том, кто они есть на самом деле (Иннокентий – Сын Бога, Маруся – Его вечная спутница, и Джордж, наконец, – верный оруженосец), и также, разумеется, о своем истинном предназначении: последнем сражении с Дьяволом...

Итак, глава 239.

...Песчаная буря, возникшая вдруг в Иудейских горах, швыряла гигантский вертолет типа "Апачи" с нашими героями на борту, как щепку!

Всем было несладко, – не слаще других, однако, приходилось Захару, отвыкшему от перегрузок: он сотрясался и со звоном изрыгал Зойке в подол золотые царские червонцы, которые (с тех самых пор, как разбогател) всегда по обыкновению носил на левой внутренней стороне груди, возле сердца.

Зойка своими длиннющими руками немедленно возвращала червонцы на место.

Но упрямец Захар после очередной петли или пике их тут же выbleвывал обратно.

Иннокентий с Марусей в четыре руки крепко держались за Джорджа, – молясь про себя, чтобы он не рассыпался от качки.

Лучше всех себя в эти минуты чувствовал глубоко мыслящий попугай Конфуций, летящий над бурей на собственных крыльях.

Вертолет упрямо пробирался к Мертвому морю, преодолевая ветер, песок, воздушные ямы и прочие сопутствующие неудобства...

...Вертолет приземлился точно на стыке двух тектонических плато, неощутимо, по одному миллиметру в тысячу лет, движущихся в перпендикулярно противоположных направлениях — с Востока на Запад, и с Запада на Восток.

Нам, привычным к квазипространствам и гиперскоростям, может показаться нелепым, что всего миллиметра оказалось достаточно для создания величайшего напряжения между Западом и Востоком!

— Время! — нетерпеливо забарабанил снаружи по бронированному корпусу вертолета наш пернатый философ. — Промедление смерти подобно! — припомнил он к месту знаменитый лозунг жуликов Древнего Рима.

Попугай не шутил: действительно, белое солнце заваливалось за красно-бурые холмы, и действительно до полуночи оставались считанные часы...

"Содом и Гоморра!" — распахнув настежь дверь в пылающую апокалиптическими красками пустыню, зычно по-нанайски доложил пилот-командир, нанаец по происхождению (еще в бытность свою губернатором Аляски огрызок Полусын взял за правило вверять свою жизнь исключительно представителям малых народов Крайнего Севера, считая их менее подлыми и коррумпированными).

По удивительному совпадению, Содом и Гоморра — на всех языках Содом и Гоморра, так что все сразу и поняли, что прибыли куда надо.

Наконец большой винт вертолета замер в нескольких сантиметрах от гигантской соляной скульптуры — самой загадочной в мире из женщин!

Просторный салон летательного аппарата моментально наполнился дурманами Мертвого моря.

— Ах, как тут вкусно пахнет! — сладострастно простонала Зойка, всей грудью вдыхая серную вонь.

— Я, честно, не верю, что я уже тут! — с облегчением пискнул Захар.

Иннокентий не стал дожидаться, пока опустится трап, — но мгновенно спланировал на зыбучую землю и стремглав устремился вниз, к заросшему солью берегу моря.

— Любимый! — растерянно прокричала Маруся вослед.

— Жди, и я вернусь! — за Иннокентия на бегу откликнулся Конфуций.

Забежав в воду, наш Герой энергично поплыл вдоль угасающей солнечной дорожки.

— Еще, уже близко, Ю! — возбужденно подбадривал попугай, кувыряясь у Него над головой.

Соль жгла глаза, но Иннокентий упрямо плыл, стиснув зубы, отчаянно загребая руками и работая ногами, ибо хорошо знал грозящую цену промедлению!

"Судьба мира! — стучало забытой морзянкой в мозг. — Судьба мира!"

— Я уже вижу воронку, Ю! — набрав высоту, закричала пичуга...

241.

...О знаменитой воронке где-то в районе северо-юго-восточно-западной оконечности Мертвого моря Конфуций узнал из письма Аристотеля к Александру Македонскому, помиравшему от тоски по ушедшему от него в другой мир Гефестиону (тогда же, в полете, наш пернатый герой-почтальон, естественно, не удержался и прочитал таки сверхсекретное послание, и правильно сделал, потому что Александр, прочтя, тут же его проглотил).

"...там, в толщах мертвой воды, — сообщал старый сплетник, — покоятся опаленные за разврат Содом и Гоморра, и только достигнув дна, — загадочно добавлял древний ученый грек, — вернешь себе друга".

"Это легко так сказать!" — усмехнулся Конфуций, на лету запечатывая конверт: за пятьсот лет до Александра он сам лично был свидетелем погружения знаменитого посоха Моисея на дно до отметки семи тысяч локтей (тогда еще все измерялось локтями).

"И всегда-то он был далек от реальности! — рассеянно размышляла птица про Аристотеля. — А вот Моисей, пораскинув мозгами, повел евреев по бережку!"

Македонский, в чем был после жаркого боя с недобитыми варварами, так в том и полез в безжизненные воды, — и никто его, как ни старался, не мог остановить.

Следом за ним, туда же — и тоже, как были! — кинулись все его воины с лошадьми, верблюдами, слонами и боевым скарбом (ибо такой у них был неписанный закон — куда он, туда и они).

Море, точно по Архимеду, такой оравы не выдержало и вышло из берегов, и поглотило дотоле цветущий оазис — от Бейт-Шеана и до Синая (там с тех пор ничего толком не растет, кроме терний).

Семь долгих дней и ночей Александр добирался вплавь до искомой воронки — но только он было в нее заглянул, как тотчас отпрянул и в ужасе

возвратился на берег, где повырывал всем штатным летописцам руки и языки, дабы пошлые потомки, не дай Бог, не провели про его бесславное плавание.

Фактически то был единственный раз, когда Александр по-настоящему испугался...

242.

...Достигнув воронки (представлявшей собой на поверку, пустотелый пахнувший диким кошмаром, тускло светящийся столб), наш Герой потрясенно отпрянул и на минуточку замер: запашок тут стоял еще тот!

...В порядке догадки, возвращаясь к завоевателю Александру: он вони, известно, на дух не выносил — оттого и бежал!..

Тут стоит заметить, что нашего Героя совсем не пугали семь тысяч локтей (согласно замерам Моисея): за 33 года, полных приключений, Он падал со стула, с верхушки таежной ольхи, с тринадцатого этажа в занесенной вечными снегами Чите, с немислимых круч Поднебесной и даже однажды с горы Эверест, что поблизости от Катманду.

В нужный момент, размышлял и планировал наш Герой, Он свернется в клубок и совершит 26 высокоскоростных вращений вперед, после чего резко изменит направление вращения на 180 градусов и проделает то же количество кульбитов, но уже в обратном порядке, — только после чего, наконец, в доли мгновения распахнется, как парашют, и зависнет свечой над точкой приземления.

Определенно, падения Он не боялся!

И также Его не заботило, что Его там ожидает, на дне, или как Он от туда вернется, и вернется ли вообще.

Больше собственной смерти страшила Его гибель Мира (правда, еще вонь).

От одной только мысли о гнущем мире Иннокентий камнем низвергнулся вниз...

243.

...Единоличные владельцы всех в мире бань, парилок, циркулен и прачечных, метровый огрызок Захар и длинная, как верста, и плоская, как дос-

ка, Зойка по фамилии Полусын бегали по бережку Мертвого моря, о чем-то кричали вослед Иннокентию и рвали на себе волосы...

244.

...Он летел, преодолевая зловоние, подобно пушечному ядру, с нарастающей скоростью, и не было силы, способной Его остановить.

Идущий с глубин тусклый свет по мере приближения становился все ярче и нестерпимей.

У Него закололо в груди, когда Он вдруг понял, что ширина воздушной воронки не позволит ему притормозить, и что Его при ударе расплющит о дно.

Тогда Он зажмурил глаза и подумал: смерть в вонючей воронке ба-нальна, но как будет — так будет!

А с другой стороны, Он подумал, ведь Он был рожден...

Не успел Иннокентий толком сообразить, для чего Он рожден, как почувствовал вдруг...

245.

...Он вдруг почувствовал, как Его подхватили тысячи трепетных рук и увлекли на городскую площадь к памятнику прекрасному юноше, окаменевшему от несчастливой любви почти пять тысяч лет назад.

Невиданные доселе человекоподобные существа стучали копытами и восторженно выкрикивали: "Иссахар, Иссахар!".

Иннокентий сначала не понял, куда и к кому Он попал, и оттого несколько растерялся.

Постепенно же выяснилось что все эти бравые парни и есть те самые знаменитые считавшиеся пропавшими без вести обитатели Содома и Гоморры.

Как оказалось, они не только уцелели, но и еще взамен двух рухнувших в бездны деревушек сотворили целый подводный мегаполис с ласкающим ухо названием: Содоморра.

Живительной грязи на дне Мертвого моря хватало на всех с лихвой, поэтому никто не умирал.

И поскольку никто не умирал, то никто и не рождался.

И поскольку никто не рождался, то и потребности в женщинах у содоморритян не ощущалось.

А поскольку потребности в женщинах у содоморритян не ощущалось, — то их тут и не было (просто незачем жить, когда ты не нужен).

В отсутствие ветра, женщин, детей, дождя, снега и града не имело смысла развивать легкую промышленность, — поэтому (и еще потому, что просто приятно) все и повсюду ходили голышом.

Пили опресненную воду и питались, как встарь, домашним скотом, птицей и дичью, выведенными из редчайших, там же на дне обнаруженных бактерий.

Специально для сладкоежек соль превращали в сахар и варили клубничное варенье.

Не было краж, наветов, зависти, ссор, драк, войн, развлекались друг с дружкой и любили ближнего своего — как могли!

Что касается памятника юноше, окаменевшему от любви к женщине, — то для мужественных содоморритян он являлся сентиментальным напоминанием о былых заблуждениях...

Разумеется, меньше всего наш Герой ожидал встретить под мертвой водой вполне современный город с развитой инфраструктурой.

Он также не думал увидеть тут небо в алмазах (потом оказалось, правда, то было не небо, а суррогат — но в алмазах).

Но чего Он не ждал вообще — так это памятника Ему, Иннокентию, на главной городской площади, куда Его принесли на руках.

Удивительное воспоминание о былом и забытом неожиданно вспыхнуло в Нем ярким пламенем и осветило уголки памяти...

246.

...В то же самое время — буквально! — Маруся стояла и потрясенно как в зеркале разглядывала осолоневшую пять тысяч лет назад женщину.

В возможность подобного сходства верилось с трудом, но оно было — и было налицо!

Зойка по прозвищу Сельдь Астраханская при виде соленой глыбы едва не рехнулась и только глуповато пробормотала, тупо переводя глаза с жены Лота на Марусю и обратно, с Маруси — на жену: "Одно лицо, мля!".

247.

...Увы, сия повесть намного печальнее той, о которой поведал миру Шекспир!

Две незатейливых (по нашим временам) деревушки — Содом и Гоморра — ютились по обе стороны дороги, неизвестно откуда берущей начало и уводящей непонятно куда.

В то время как женщины этих селений в муках рожали людей, мужчины успешно занимались разведением рогатого скота (до того успешно, что постепенно между мужчинами и скотом стерлись всякие визуальные различия, — так что было уже не различить, где, к примеру, мужчина, а где, скажем, скот).

И все же при внешней схожести между ними существовало одно, но глубокое внутреннее противоречие: содомцы, подобно душе Жан-Жаку Руссо, желали слиться с природой (другими словами — самим уподобиться скотам), гоморрцы же, через дорогу, в подражание Вольтеру отважно агитировали за революцию в диаметрально противоположном направлении — от скотины к человеку!

Так или иначе, а в округе на пять тысяч верст (от Тигра — до Евфрата) содомца с гоморрцем легко узнавали по скотскому облику.

Речь, однако, у нас не о скотстве (не всякое скотство, по справедливому замечанию Сократа, попадает в Историю), а собственно — о Любви!

Итак, содомская девочка Мара происходила из зажиточного рода потомственных скотоводов, а гоморрский мальчик Иссахар возник у местных нищих диссидентов, считавших, что человеку при любых обстоятельствах хорошо бы оставаться человеком!

Мара жила, как грезилась, в просторной четырехэтажной вилле с садом по левую сторону от дороги (если стоять лицом к восходящему солнцу), Иссахар же влачил без просвета в тесной землянке напротив.

Мало чего соображая в вопиющем социальном неравенстве, дети буквально с пеленок ползали друг к дружке через дорогу — туда-сюда.

Естественно, как-то однажды играя в саду, Мара и Иссахар поклялись друг дружке в вечной любви.

Разумеется, что родители Мары, те еще потомственные скотоводы, на всякие клятвы тринадцатилетней дочери хотели плевать с четвертого этажа (и плевали) и срочно отдали ее замуж за Лота, тоже того еще скотовода.

Смертельно влюбленный Иссахар от такой потери окаменел, а Мара с горя начисто позабыла, как ее зовут.

Так и стоял каменный Иссахар как напоминание миру о великой любви!

Что касается жены Лота (Мары в девичестве, о чем помним только мы), то она прожила еще сколько-то бесцветных бездарных лет с нелюби-

мым, назло ему родила четырех дочерей (что по тем временам считалось позором), и возможно, так бы и канула в лету бесследно...

Как пить дать, никто бы уже на следующий день не вспомнил о старой больной безымянной женщине, когда бы она, спасаясь с постылым мужем от катаклизма, все-таки не оборотилась последним взглядом назад к окаменевшему возлюбленному: в то самое мгновение, что она оборотилась, она и стала солью земли!

С тех пор в любую погоду вот уже пять тысяч лет несчастные влюбленные приходят к Маре за утешением.

И соли у Мары хватает на всех...

248.

...Странное чувство испытывал Иннокентий, стоя на импровизированной трибуне среди огромного скопления содоморритян: как будто Он с ними и не расставался все эти пять тысяч лет.

Многие почти не изменились, разве что выглядели более ухоженными (все той же грязи, должно быть, благодаря).

Многих Он узнавал в лицо и даже неожиданно вспоминал по именам.

Вон издали Ему помахал мохнатой дланью пастух Ибуха-кривой (так по прозвищу его отличали от других Ибух).

Иннокентий вдруг вспомнил, как будучи маленьким вечно голодным Иссахаром, Он часами, бывало, торчал у дороги и ждал, когда, наконец, появится Его одноглазый благодетель и угостит ломтиком пахучего козьего сыра или даже великодушно дозволит откусать парного молока от царского вымени рыжей верблюдицы (которую Ибуха-кривой и сам любил, как родную).

— Иссахар, Иссахар, ты для нас, как нектар! — затянул кто-то сладким, как мед в мае месяце, голосом, напомнившим нашему Герою барда и исполнителя собственных песен содомскую суперзвезду по имени Зевель.

В стороне от толпы одиноко стоял пророк Впрок (в народе его не любили за откровенность).

Иннокентий вдруг с грустью подумал, что все предсказания Впрока на пять тысяч лет вперед практически сбылись: ведь действительно рухнули и канули в небытие великие царства Ацтеков, Египта, Рима и СССР!

Он тщетно искал глазами отца-диссидента (земного, понятно) и не находил: наверное, у него, как всегда, были причины таиться и не приближаться к сыну.

Наконец, на трибуну поднялся старейшина Содоморры по имени Пуп и встал рядом с нашим Героем, и обнял Его, как родного.

Какое тут на площади наступило ликование — невозможно передать словами.

Пуп поднял одну руку (другой он смахивал слезы с ресниц) и воскликнул: "С возвращением, Иссахар!".

— С возвращением, блудный сын! — с энтузиазмом подхватили тысячи голосов.

— За последние пять тысяч удивительных лет, — продолжил старейшина, — не случилось события более интригующего, чем возвращение Иссахара!

— Не случилось, воистину! — все как один согласились содоморритяне.

— О чем это говорит? — прищурился Пуп.

— О чем? — замахали руками мужчины.

— О том, что Он послан к нам Богом! — изрек вождь подводного царства.

— Богом! Богом! Богом! — прокатилось над площадью.

— Пусть скажет, чего хочет Бог! — раздались голоса.

— Чего хочет Бог, Иссахар? — повторил свой вопрос Пуп, передавая Иннокентию микрофон.

— Грязи! — не сразу, но просто и без пафоса ответил Сын Бога...

249.

...Чего-чего, а грязи у содоморритян хватало!

Другое дело, что им не хотелось отпускать от себя чудесно воскресшего Иссахара: все-таки Он был первой живой весточкой сверху за пять тысяч лет!

Понятно, Он был погребен их вопросами типа:

"что случилось с людьми за пять тысяч лет (под людьми, разумеется, подразумеваются мужчины)?"

и — "о чем люди думают, если думают вообще?"

и — "что люди чувствуют, если чувствуют вообще?"

и — "что люди говорят, когда говорят?"

и — "на что люди надеются, если надеются?"

и — "кого люди любят (в приятном смысле) и в каких интерпретациях и пропорциях?"

и — "какие законы нынче блюдутся — по бедному Авелю или по несчастному Каину?"

и — "как вообще обстоят дела с равенством, братством и свободой — этой с содомских времен вековой мечтой всего прогрессивного человечества?"

Особенно также содоморритяне интересовались про экологию: в каком, например, состоянии реки, озера, моря, горы и пастбища, и куда при такой ораве людей девается говно?

Иннокентий прекрасно осознавал, что времени до полуночи (когда мир погибнет — или будет спасен) оставалось все меньше — но тем не менее, внешне Он выглядел спокойным и раздумчивым (все та же школа), и на так называемые сущностные вопросы отвечал по сути, а на проходящие и суетные — смущенно пожимал плечами и застенчиво улыбался.

Наконец, подняв обе руки, Он попросил тишины и спокойно, без истерики сообщил бывшим землякам о том, что мир, пожалуй, погибнет без грязи!

— Мы всегда это знали! — послышались возгласы. — Дадим миру грязи, дадим ему шанс (но, правда, при этом звучали и скептические сентенции типа: "Его, этот мир, уже ничто не спасет!")!

— Нам грязи не жалко! — истошно завопил старейшина Пуп, призывая в свидетели содоморритян.

— Не жалко! Не жалко! Не жалко! Не жалко! — прокатилось по дну Мертвого моря...

Тель-Авив

